

Wiera Occheli

К вопросу о "псредничество" русской литературы в развитии польско-грузинских литературных связей

Acta Polono-Ruthenica 21, 237-245

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Wiera Occheli

Państwowy Uniwersytet im. Akaki Cereteli w Kutaisi (Gruzja)

К вопросу о „посредничестве” русской литературы в развитии польско-грузинских литературных связей

Перед каждым, кто изучает историю взаимодействия национальных литератур, неизбежно встает вопрос о путях, по которым осуществляется межлитературный обмен. Так, в определенные исторические периоды в силу относительной слабости культурных связей и знаний иностранных языков, интерес одной нации к достижениям литературного творчества другой осуществлялся, а порой осуществляется и теперь, с помощью третьего, родственного или близкого по ряду других причин, языка. Действительно, литературы могут подчас не соприкасаться, но общение между ними осуществляется в самых широких масштабах. Происходит это с помощью „посредничества” какой-либо третьей литературы.

Например, усиление романтических тенденций в русской литературе первой четверти XIX века определило глубокий интерес к западноевропейскому историческому роману и, прежде всего, к романам Вальтера Скотта. Но вплоть до 30-х годов XIX века Вальтера Скотта переводят на русский язык исключительно с французского и роль Франции в первоначальном знакомстве русского читателя с его романами, трудно переоценить¹. В то же время польский литературовед Янина Кульчицкая-Салони пишет о том, что романы Эмиля Золя пришли в Польшу благодаря их популярности в России и через переводы на русский язык².

В развитии польско-грузинских литературных связей большую роль сыграли русский язык, русская литература и русская литературная периодика, выступившие в данном случае в качестве своеобразного „посредника” или „передатчика”. Именно под влиянием русской печати и по примеру русского театра на страницах грузинской периодической

¹ П.Р. Заборов, *Литературное „посредничество” в процессе взаимодействия национальных литератур*, [в:] *Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур*, Москва 1961, с. 312–314.

² J. Kulczycka-Saloni, *Między Paryżem a Petersburgiem (kilka uwag o recepcji Zoli w Polsce)* „Przegląd Humanistyczny” 1959, № 4, с. 19–42.

печати появляются произведения польских писателей, а на сценах грузинского театра с большим успехом идут пьесы польских драматургов.

Известно, что существуют различные типы „посредников”: индивидуальные, групповые, посредники-люди, посредники-книги и др.³

К индивидуальным посредникам чаще всего относятся люди, имена которых хорошо известны. Такой фигурой был, например, немецкий писатель и широко известный картвелолог Артур Лайст. Заинтересовавшись грузинским народом, его историей, культурой, он изучил грузинский язык и грузинскую литературу, способствовал ее распространению в Германии (очерк *Забытая литература*), а позднее стал популяризатором грузинской литературы в Польше. В *Очерках из Грузии (Szkice z Gruzji)*⁴ он поместил отрывки из поэмы Шота Руставели *Витязь в тигровой шкуре*, выполненные Казимежем Лапчинским, а также собственные переводы некоторых произведений Ильи Чавчавадзе, Важа Пшавелы, Акакия Церетели. В его переводе была опубликована историческая повесть Александра Казбеги *Элисо*⁵. В 1900 году Лайст поместил в польской энциклопедии краткий обзор грузинской литературы⁶.

Среди индивидуальных посредников часто называют путешественников. В XVI–XVIII веках, в связи с расширением торгового обмена Западной Европы со странами Востока, увеличивается интерес к Грузии, через которую протекали важные торговые пути. Путешественники, о которых рассказывается в грузинских исторических трудах, знакомили зарубежный мир с жизнью и культурой грузинского народа. Сведения об истории Грузии, ее культуре печатались в Италии, Франции, Германии, Венгрии, Швеции. В XVI веке появилось первое книжное упоминание о Грузии и в Польше – это труд Мартина Брониовского⁷.

Как было отмечено выше, кроме индивидуальных „посредников”, существуют „посредники” коллективные. Среди них следует упомянуть об особой роли некоторых стран и городов – это Швейцария, Голландия, Венеция, Париж, Петербург, Варшава, Тифлис и т.д. Среди коллективных факторов сближения литератур можно назвать дворы властителей самых

³ Н.И. Конрад, *О литературном „посреднике”*, [в:] idem, *Запад и Восток*, Москва 1972, с. 329–344.

⁴ А. Lejst, *Szkice z Gruzji*, Warszawa 1886.

⁵ А. Kazbegi, *Eliso*, Warszawa 1887.

⁶ А. Lejst, *Literatura gruzińska*, [в:] *Encyklopedia powszechna ilustrowana*, t. XXV–XXVI, Warszawa 1900.

⁷ *Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut*, Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, t. 2, Warszawa 1964, с. 46–47.

разных рангов, где часто находили прибежище зарубежные поэты, философы, ученые, например, при дворе прусского короля Фридриха Вильгельма II, российской императрицы Екатерины II, польского короля Станислава Августа Понятовского, князя Александра Чавчавадзе и др.

Однако контактные межлитературные связи в большей мере зависят от распространения самих книг на соответствующих языках. Валерий Брюсов, например, писал: „давно и убедительно доказано – подлинное влияние на литературу оказывают иностранные писатели и только в переводах”⁸.

В центре нашего внимания посредник-рассказ, опубликованный в 1862 году в ноябрьском (11) номере грузинского журнала „Цискари” („Заря”), которым руководил общественный деятель, поэт и публицист Иванэ Кереселидзе (1850–1892). Это был рассказ неизвестного автора, вышедший под названием *Польский король и литовский гетман* в переводе Михаила Чигиани, с указанием „с польского”. Спустя 12 лет, в 1874 году в февральском и мартовском (2–3) номерах этого же журнала, рассказ был опубликован повторно, что бесспорно свидетельствовало об интересе грузинского читателя к рассказу, раскрывающему, как будет показано ниже, одну из интересных страниц польской истории.

Долгие годы попытки идентифицировать имя неизвестного автора оставались безуспешными. Но, наконец, нам удалось его установить. Им оказался Евгений Петрович Карнович (1823–1885), российский историк, публицист, прозаик и журналист, выходец из состоятельного дворянского рода, корни которого, как пишут его биографы, ведут в Чехию (к сожалению, наследие Карновича до сих пор не привлекло к себе внимания исследователей и литературоведов). Получив хорошее домашнее образование, затем окончив Петербургский педагогический институт по отделению классической филологии, Карнович в течение 10 лет работал правителем в канцелярии попечителя Виленского учебного округа. Оттуда начался его интерес к истории Польши. Работая там, он выучил польский язык, изучил и полюбил историю Польши, вследствие чего стал автором нескольких трудов в этой области, а также работ по генеалогии, геральдике и исследованиям по изучению польских старинных шляхетских фамилий⁹.

⁸ В. Брюсов, *Предисловие переводчика*, [в:] Э. По, *Полное собрание поэм и стихотворений*, Москва – Ленинград, 1924, с. 7.

⁹ Использованы материалы сайта *Большая энциклопедия русского народа* [online] <www.rusinst.ru>; *Энциклопедический словарь*, Москва 1985, с. 550.

Литературная деятельность Карновича началась в 1845 году переводом двух комедий Аристофана – *Облака* и *Лизистрата*. В дальнейшем он работал в различных жанрах исторической прозы. Наиболее значительные художественные произведения Карновича в этой области – это романы *Любовь и корона* (1879), *Мальтийские рыцари в России* (1878 и 1880), *Придворное кружево* (1885), *Сельская жизнь* (1886), *Пагуба* (1887), являющиеся художественной иллюстрацией многих важных эпизодов истории России XVIII и XIX веков.

Его перу принадлежит также 2-х томный сборник *Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий* (1884, 1893), который посвящает читателя в тайны политической борьбы Европы и России названного периода, деятельность масонских лож, авантюры известных магов и оккультистов.

В свете избранной темы, особый интерес для нас представляет сборник *Очерки и рассказы из старинного быта Польши*. Очерки и рассказы, вошедшие в сборник, на протяжении нескольких лет (с 1857 по 1863 год) печатались в российской периодической печати („Санкт-Петербургские Ведомости”, „Современник”, „Библиотека для чтения”) и только в 1873 вышли отдельной книгой. В них изображены узловые моменты польской истории XVI–XVIII веков, показаны судьбы наиболее ярких представителей польской нации, а также описаны некоторые курьезные истории из жизни польской шляхты. Рассказ, появившийся в грузинском переводе, относится именно к этому циклу.

Обращаясь к отдельным эпизодам из истории Польши, особое внимание Карнович уделяет последнему польскому королю Станиславу Августу Понятовскому (1732–1798), так как цель очерков и рассказов, посвященных Польше, Карнович видел в том, чтобы показать в каком положении находилась Польша перед концом своего самобытного существования. С образом Понятовского читателя знакомит, прежде всего, очерк *Станислав Август, король польский*, а также рассказы *Панна Эльжбета*, *Нитка жемчуга*, *Panie Kochanki*, *Костюшко*. Станислав Август Понятовский – одна из наиболее ярких личностей в истории Польши. Карьера Станислава Августа, как известно, началась блестящей дипломатической деятельностью в Париже, а нашумевшая любовная история с великой княгиней Екатериной Алексеевной, будущей российской императрицей Екатериной II, сделала персону Понятовского привлекательной и заметной не только в России и Польше, но и в Западной Европе.

В очерке *Станислав Август, король польский* Карнович ведет свое повествование скорее как историк, чем как писатель. В нем нет остроты сюжета, нет любовного конфликта, характерного для художественного произведения, хотя автор и рассказывает о многочисленных любовных похождениях короля, отличавшегося слабостью к женскому полу, любовью к блеску и роскоши светской жизни. Карнович дает в своем очерке психологический портрет последнего короля Польши, показывает противоречивость его натуры, проявляющуюся как в личной жизни, так и государственной деятельности. В характере Станислава Августа, каким представляет его Карнович, кротость сочеталась с жестокостью, упрямство с уступчивостью, сила воли со слабостью, любовь к отечеству с неспособностью и неумением защищать его интересы.

Рассказ *Панна Эльжбета* посвящен одному эпизоду из жизни короля, связанному с красавицей-простолюдинкой, которую, как гласит молва, король отбил у гетмана Огинского, испортив тем самым свои и так не простые отношения с одной из авторитетных и влиятельных личностей Польши того времени.

Грузинский переводчик перевел рассказ *Панна Эльжбета*, но дополнил его отдельными деталями, взятыми из очерка *Станислав Август, король польский*. Таким образом, в переведенном тексте любовная история короля и девушки-простолюдинки перемежается с некоторыми элементами очерка о самом короле – его происхождении, избрании и эпизодами личной жизни. Это определено было вызвано желанием грузинского переводчика привлечь внимание грузинского читателя к столь популярной в Европе и России личности Станислава Августа Понятовского и лучше познакомить его с ней. Об этом же говорит и изменение заглавия переведенного текста. Грузинский переводчик дал рассказам Карновича свое заглавие – *Польский король и литовский гетман*. Таким образом, нами идентифицировано не только имя автора, появившегося в журнале „Цискари” рассказа, но и названия самих рассказов.

Мы считаем, что образ короля Станислава Августа Понятовского мог вызвать у переводчика ассоциации с жизнью и деятельностью последнего грузинского царя Георгия XII Багратиони и он старался вызвать их и у грузинского читателя. Это давало возможность проведения параллелей с историей Грузии периода ее присоединения к России и попыткой ответить на важные и злободневные вопросы современной грузинской действительности. Учеными-компаративистами давно установлено, что возникновение перевода теснейшим образом связано как с потребностями

общества, так и с историей самой национальной литературы, ибо переводится, как правило, то, что соответствует злободневным вопросам времени, отвечает потребностям литературного процесса. „Художественный перевод развивается в одном русле с оригинальным творчеством, – пишет О.Кундзич, – он развивает язык, расширяет круг понятий, обогащает культуру народа”¹⁰.

Проведение параллелей между основными жизненными вехами правителей Польши и Грузии, при которых их страны пришли к катастрофе – утратили национальную независимость, позволяет увидеть между ними немало общего.

Свое повествование о Станиславе Августе Карнович начинает с происхождения его рода и фамилии. „Фамилия Понятовских, – читаем в очерке, – от которой происходил последний польский король, не отличалась в Польше ни знатностью, ни богатством”¹¹.

Говоря о происхождении последнего польского короля, Карнович выдвигает свою версию, отличающуюся от мнения многих историков, часть из которых возводит род Понятовского к династии Пястов. Карнович утверждает, что Понятовские вели свое начало от Лудольфа, герцога саксонского, а также говорит, что прямым родственником Понятовских был граф Торели, который выехал в Польшу из Италии только в первой половине XVII века. Торели женился на наследнице имения Понятова, принял фамилию Понятовского, приписавшись к гербу „Телец”¹². Древность и знатность рода Багратиони не вызывает в Грузии ни у кого сомнений. Род царя Георгия XII принадлежит к древней царской династии. Исторические грузинские писания исчисляют хронологию Багратиони с VI века н.э., а некоторые исследователи, ссылаясь на летописные источники, считают, что род Багратиони ведет свое начало от библейского царя Давида¹³.

Личность широко образованная и одаренная Понятовский, как известно, оставил заметный след в истории и культуре страны. Достаточно сказать, что он был главным автором Польской Конституции 3 мая 1791 года, которая снискала общеевропейскую известность и вызвала восторг просветителей разных стран. Понятовский провел в стране реформы, напра-

¹⁰ О. Кундзич, *Перевод и литературный язык*, [в:] *Мастерство перевода*, Москва 1959, с. 8.

¹¹ Е.П. Карнович, *Станислав Август, король польский*, [в:] *Очерки и рассказы из старинного быта Польши*, Типография Ф.С. Сушинского, Санкт-Петербург 1873, с. 198.

¹² *Ibidem*, с. 198, 199.

¹³ М.Д. Лордкипанидзе, *История и повествование о Багратионах*, Тбилиси 1979, с. 14–19.

вленные на централизацию государственной власти и ограничение произвола олигархов, стремился к уравниванию в правах католиков и православных, создал удивительный дворцово-парковый комплекс Лазенки в Варшаве, превратил столицу Польши, в один из крупнейших культурных центров Европы и т.д. Нельзя не отметить, что последний царь Грузии Георгий XII Багратиони вопреки крайне короткому периоду пребывания на троне (с января 1898 по декабрь 1800), также оставил значительный след в истории страны, вошел в нее как царь реформатор. Он заботился о восстановлении столицы Грузии Тбилиси, разрушенной иранцами в 1795 году, способствовал восстановлению типографии, что было важно для развития грузинской культуры, провел реформу армии, боролся против утверждения иранских порядков в государстве, стремился к обустройству церковей и единству грузинского и армянского христианства.

Повествуя о Станиславе Августе, Карнович останавливает специальное внимание на моменте избрания его королем, говорит о поддерживающих и противостоящих ему партиях. Положение Польши в момент избрания Станислава Августа – внутренние раздоры, коварные замыслы соседей, прежде всего, Пруссии и России, во многом походило на положение Грузии в момент вступления Георгия XII на престол. Мачеха Георгия, царица Дареджан, учитывая разногласия между пасынком и царем Ираклием II, всячески провоцировала междоусобную борьбу между Георгием и своими сыновьями, которые, ради достижения цели, были готовы пойти на любое соглашение со злейшими врагами Грузии – Турцией и Ираном. Вокруг царевичей-претендентов группировались феодалы, усиливая противостояние и ставя под угрозу существование Картлийско-Кахетинского царства. Турция и Иран, которые не могли смириться с утратой владычества над Грузией, готовы были в любой момент напасть на обескровленную страну.

Таким образом, начало царствования короля Станислава Августа Понятовского и царя Георгия XII Багратиони пришлось на тяжелый для их родины период – период внутренних раздоров и внешнеполитической напряженности, а конец их правления связан с утратой их государствами национальной самостоятельности. Не случайно, что в историю Польши король Станислав Август Понятовский, а в историю Грузии царь Георгий XII Багратиони вошли с трагическим определением „последний”.

Во внешней политике и царь Георгий XII и король Станислав Август, придерживались прорусской ориентации, надеясь с помощью русской армии покончить с внутренней смутой и уладить внешнеполитическое

положение страны. К сожалению, надежды польского и грузинского монархов на помощь России не оправдались. Грузия, вопреки договоренности, утвержденной Георгиевским трактатом 1783 года, по которой после смерти царя Георгия XII власть в Грузии должна была перейти к его старшему сыну Давиду, вскоре превратилась в российскую губернию, возглавляемую российским наместником. Польша, в период правления Станислава Августа, „уверенно” шла к утрате государственной самостоятельности. Активно продвигая Понятовского на польский престол, вопреки крайнему недовольству польской шляхты, императрица Екатерина II преследовала свои политические интересы. Она была уверена в том, что тот, кто меньше других имел прав на польский престол, больше других, став королем, будет чувствовать благодарность к России. И она не ошиблась. Понятовский до конца остался послушным исполнителем ее императорской воли.

Интересно, что 1798 год был пророческой датой для обоих властителей: январь 1798 года стал началом кратковременного периода царствования Георгия XII (до декабря 1800), который после смерти царя Ираклия II был возведен, как его старший сын, на трон, а февраль 1798 года – последним годом жизни Станислава Августа. Существует версия, по которой и Станислав Август II и Георгий XII были отравлены. Поводы для этого, конечно, были.

В личной жизни польского и грузинского монархов мы видим существенную разницу. Станислав Август успешный любовник, считается фавориткой которого женщины почитали за честь, так и не создал семьи. Что же касается царя Георгия, то он был дважды женат и имел многочисленное потомство.

Не исключено, что историки найдут материал для проведения дальнейшего сопоставления.

Подводя итоги, следует отметить, что отдельные рассказы русского историка и писателя Е.П. Карновича, основанные на материале истории Польши и переведенные на грузинский язык, сыграли роль «посредника» в знакомстве грузинского читателя с деталями жизни и деятельности последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. Они давали также возможность увидеть сходство некоторых этапов в историческом развитии Польши и Грузии и определенную близость роли, которую сыграли в судьбах своей страны последний король Польши Станислав Август Понятовский и последний царь Грузии Георгий XII Багратиони, что еще в большей степени способствовало сближению польского и грузинского народов.

Представленный материал – это еще один яркий пример литературного «посредничества» столь важного в истории межлитературных отношений способа общения национальных литератур.

Streszczenie

*Do sprawy o „pośrednictwie” literatury rosyjskiej w rozwoju
polsko-gruzińskich związków literackich*

W artykule jeden z typów literackiego pośrednictwa – opowiadanie – rozpatrywano na tle historii polsko-gruzińskich związków literackich XIX wieku. Ukazano, że przetłumaczone na język gruziński opowiadania rosyjskiego historyka i pisarza E.P. Karnowicza pt. *Stanisław August, król polski* i *Panna Elżbieta*, prezentujące epizody z dziejów Polski, niejako pośredniczyły w zapoznawaniu gruzińskiego czytelnika ze szczegółami życia i działalności Stanisława Augusta Poniatowskiego. Przeprowadzone badanie wskazuje na podobieństwo niektórych etapów historycznego rozwoju Polski i Gruzji, na podobieństwo roli, jaką odegrali w losach swych narodów ostatni król Polski Stanisław August Poniatowski i ostatni car Gruzji Giorgi XII Bagrationi.

Summary

Mediating function of Russian literature in the development of the Polish-Georgian literary relations

The article describes one of the types of the literary „mediation” – the mediator-story, presented from the history of Polish-Georgian literary relations of XIX century. It is shown that the stories of the Russian historian and writer E.P. Karnovich *Stanislaw August, King of Poland* and *Panna Elzbieta*, reflecting the individual episodes in the history of Poland and translated into Georgian, played the role of „mediator” in familiarizing Georgian reader with the details of the life and work of the last Polish king Stanislaw August Poniatowski II. The study also gives the reason to believe that the stories of Russian writer gave the opportunity to see the similarity of some stages of the historical development of Poland and Georgia, and the proximity of the role played in the destiny of their country last Polish king Stanislaw August Poniatowski II and the last king of Georgia Giorgi Bagrationi XII.

Key word: literature, mediator, interrelation, closeness, history.